

О ХОЗЯЙСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ ПЛЕМЕН ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

На рубеже IV-V веков в Среднее Поволжье переселился крупный этнический массив населения с вполне сложившейся культурой, получившей название именьковской.

Поселения именьковской культуры располагаются небольшими (от 2 до 10) группами - "гнездами", жилища в подавляющем большинстве представляют собой полуземлянки квадратной формы с открытыми очагами - кострищами, в керамических комплексах преобладают горшки и сковородки-лепешечницы, почти не имеющие орнамента, господствующим погребальным обрядом является кремация. Племена именьковской культуры достигли высокого уровня развития экономики, основу которой составляли пашенное земледелие и скотоводство.

Основным пахотным орудием было деревянное рало с железным наральником. На поселениях именьковской культуры найдено около двух десятков наральников треугольной формы с втулкой, расширяющейся к тыльной части. Подобные наральники с первых веков нашей эры появились в Средней Европе, а в позднеримское время распространились в Северном Причерноморье (Краснов, 1987. С. 38,39; 106-113). В качестве тягловой силы использовались волы и лошади.

Распахивались надпойменные террасы речных долин с аллювиальными почвами, плодородие которых регулярно обновлялось благодаря наносному илу. Под пашни использовались и незатопляемые в половодье земли, где применялась переложная система земледелия, при которой после нескольких лет эксплуатации пахотное поле временно превращали в пастбище или сенокос, а затем вновь начинали пахать и сеять на нем после восстановления плодородия почвы. Изучение древних почв на территории и в окрестностях крупного именьковского селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке позволило обнаружить почвы, имеющие признаки длительного, не менее нескольких десятилетий, использования под пашню с применением рыхлящих и не переворачивающих почву орудий на глубину около 30 см, сопровождающегося эрозией почвы (Офман и др., 1996. С. 182).

Именьковские племена возделывали злаковые культуры: просо, ячмень, пшеницу, рожь, овес, полбу, а также бобовые, в частности горох. Им были известны корнеплоды: репа и редька.

Урожай убирали серпами, которые часто встречаются на поселениях. Использовались также косы-горбуши: обломки их найдены на Старомайском городище.

Зерно хранили в специальных глубоких ямах цилиндрической или колоколовидной формы, стенки которых обжигались и облицовывались деревом. Ямы покрывались деревянными крышками, обмазанными глиной. Кроме того, для хранения зерна имелись крупные глиняные сосуды - зерновки.

Для помола использовались ротационные мельницы, состоящие из двух дисков-жерновов диаметром от 30 до 60 см с отверстиями в центре. Жернова и их обломки находятся буквально на всех поселениях именьковской культуры. Выпечка хлеба производилась на сковородах-лепешечницах, которые часто находят в жилищах на очагах-кострищах или рядом с ними.

С приходом племен именьковской культуры пашенное земледелие получило широкое распространение в Среднем Поволжье.

Наряду с земледелием важную роль в хозяйстве именьковских племен играло животноводство. Природные условия Среднего Поволжья были весьма благоприятны для разведения скота. Широкие поймы речных долин и водораздельные участки разнотравно-злаковой степи использовались как летние пастбища и для заготовки корма на зиму. Костные остатки животных, выявленные при раскопках поселений, дают представление о составе стада. Именьковские племена разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и свиней. С их приходом в Среднем Поволжье появилась новая порода крупного рогатого скота южного степного облика, отличающегося крупными размерами, грубокостностью, наличием небольших роговых стержней (Петренко, 1984). Среди костных остатков с именьковских поселений значительная доля принадлежит костям волов, использовавшихся в качестве тягловой силы. Доля лошадей на разных именьковских поселениях варьирует от 23% до 40%, причем преобладают особи от 3 до 9 лет, что свидетельствует об употреблении мяса лошадей в пищу, а также об использовании их в качестве тягловой силы для верховой езды.

Доля костей свиньи в подзоне лиственных лесов достигает 97%, на южных именьковских поселениях эта доля падает: на Муромском селище на Самарской Луке доля костей свиньи составляет 16,7%, доля костей мелкого рогатого скота, наоборот, возрастает: на Муромском селище она составляет - 28,6%, а на Выползовском - 43,5%. Из других животных следует упомянуть находки костей собак, кошек и, изредка, верблюда.

Значительную роль в хозяйственной деятельности именьковских племен играли охота

и, особенно, рыболовство. В археологических коллекциях лесных городищ (Шолом у с. Бальмеры, Троицкий Урай I) и селищ Самарской Луки (Выползовское, Карлинское I, Новинки V, Муромское) имеется довольно большое количество костей диких животных, судя по которым объектами охотничьего промысла именьковских племен были лоси, бобры, медведи; совокупная доля их составляет 50% всей добычи. Мясо этих животных употреблялось в пищу (Петренко, 1984).

На многих поселениях именьковской культуры встречено большое количество костей рыб, особенно осетровых, а также орудия лова: железные крючки, грузила от сетей и т.д.

Высокого уровня развития у именьковских племен достигла черная металлургия и кузнечное дело. На поселениях и в непосредственной близости от них выявлено шесть металлургических горнов. На многих поселениях встречаются куски железной руды, шлаки и крицы. Богат ассортимент железных орудий, оружия, деталей конской сбруи, костюма, предметов домашнего обихода.

Металлографические исследования железных изделий показали, что именьковские кузнецы владели высокими техническими навыками для получения стали путем цементации железных заготовок, квалифицированно выполняли ковку и сварку (Старостин, Хомутова, 1981. С. 208-216). Нет сомнения в том, что металлурги, кузнецы, бронзолитейщики выделялись из общины, и ремесленная деятельность стала их основным занятием. Об этом свидетельствует широкий ассортимент и высокое качество изделий, применение сложных технологий при их изготовлении, а также появление стандартных серий (Терехова и др., 1997).

В то же время изготовление глиняной посуды, прядение, ткачество, деревообработка и костерезное дело еще не выделились в ремесла, а оставались домашними производствами.

Именьковская культура не имеет местных корней в Среднем Поволжье. Судя по материальной культуре и погребальному обряду, она связана с культурами полей погребений: пшеворской, позднезарубинецкой, черняховской. В.В. Седов считал, что исходным районом миграции предков носителей именьковской культуры были области Верхнего Поднестровья со смежными землями Воыни и Подолии (Седов, 2001. С.5). Основные элементы именьковской культуры находят некоторые параллели в славянских культурах третьей четверти I тыс. н.э.: пражско-пеньковской и пражско-корчакской. В этих культурах, как и в именьковской, поселения располагались группами - "гнездами", жилища представляют собой квадратные полуземлянки, посуда представлена горшками и

сковородами-лепешечницами, основным погребальным обрядом является кремация.

Рассмотрев вкратце основные отрасли хозяйства именьковских племен, обратимся к вопросу об их общественном строе. Изучение социальной структуры раннесредневековых племен Восточной Европы - одна из самых трудных задач, стоящих перед исследователями. Это объясняется, прежде всего, отсутствием письменных источников, поэтому особое значение приобретают археологические данные, накопленные в последние десятилетия.

Для выяснения общественных отношений носителей различных археологических культур обычно привлекают материалы могильников. Изучение их позволяет определить половецко-растной состав погребенных, выявить их имущественное и социальное различие, вычлнить группы погребений, соответствующие семьям, выделить элементы социальной структуры, реконструировать представления о загробном мире и т.д.

Особенно ценными историческими источниками являются могильники с обрядом ингумации, гораздо менее информативны могильники с обрядом кремации. Именно этот обряд преобладает в могильниках именьковской культуры, поэтому возможности восстановления социальных отношений у именьковских племен крайне ограничены. Бедность инвентаря и отсутствие различий в устройстве могил позволяют предположить, что погребенные в них люди были более-менее равными по социальному положению и принадлежали к сравнительно однородной этнической группе. Из 600 исследованных погребений именьковской культуры лишь 30 совершены по обряду ингумации, что свидетельствует о включении в именьковскую среду немногочисленных представителей иноэтничных групп.

В этих условиях особую ценность для социальных реконструкций приобретают остатки поселений именьковской культуры с их жилыми и хозяйственными постройками, в которых отразились различные стороны хозяйственной и общественной жизни.

Поселения именьковской культуры - укрепленные городища и неукрепленные селища - весьма многочисленны. В настоящее время их известно более 500, при этом количество селищ значительно превышает количество городищ. Так, на территории Татарстана в Нижнем Прикамье по данным П.Н. Старостина имеется 196 селищ и 33 городища (Старостин, 1967. С. 10-11), на Средней Суре 19 селищ и 11 городищ (Степанов, 1967. С. 5, рис. 1), на Самарской Луке в настоящее время выявлено 47 селищ, 4 местонахождения керамики (малые селища) и 9 городищ.

Все именьковские городища и селища располагаются группами - "гнездами", включающими

от 2 до 8-10 поселений. В одних случаях такая группа состоит из 1-2 городищ и нескольких селищ, в других случаях группа включает только селища. Расстояние между поселениями одной группы не превышает 5-6 км. Отдельные гнезда поселений отделяются друг от друга свободными пространствами, достигающими в некоторых случаях 20-30 км.

Подобное расположение поселений группами не характерно для средневожских финно-угорских культур, но весьма типично для славянских культур VI-X вв. Исследователи памятников этих культур по-разному интерпретировали подобное размещение поселений. Так, Б.А. Рыбаков считал, что размеры "гнезд", состоящих из 5-15 поселений, близки к размерам племенных территорий, охватывающих площадь 30x60, 40x70 км (Рыбаков, 1969. С. 25-28). Близкой точки зрения придерживались В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов: гнездо поселений они принимали за сосредоточие племени (Мавродин, Фроянов, 1978. С.131). Позднее эту мысль развил И.Я.Фроянов: "Вряд ли мы ошибемся, если единичное поселение-городище примем за род, "гнездо" поселений за племя, а объединение гнезд - за племенной союз. Стало быть, мы можем еще раз заключить о существовании у восточных славян коллективного землевладения, представленного родом, племенем, союзом племен" (Фроянов, 2001. С. 246).

По мнению С.С. Ширинского, "гнездо поселений было местом обитания фратрии" (Ширинский, 1970. С. 193). Е.А. Горюнов считал возникновение "гнезд" поселений результатом "частых перемещений населения, в связи с тем, что основным занятием славянских племен было подсечное земледелие" (Горюнов, 1981. С. 12, 13).

Однако, наиболее обоснованной интерпретацией "гнезд" славянских поселений нам представляется точка зрения Б.А. Тимощука, считавшего их местами обитания большесемейных общин. Каждое "гнездо" поселений принадлежало большой патриархальной семье или нескольким дочерним патриархальным семьям образовавшимся в результате ее сегментации (Тимощук, 1995. С. 12).

Большесемейная община или, как ее называет М.О. Косвен, патронимия, представляла собой группу семей больших и малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере хозяйственное, общественное и идеологическое единство и обитавших на нескольких синхронных поселениях, расположенных на близком расстоянии между собой (Косвен, 1963. С. 97).

По мнению Б.А. Тимощука, основной социально-производственной ячейкой финальной стадии первобытно-общинного строя была большесемейная община, представлявшая

собой сообщество людей, живших на определенной территории, сообща владевших землей, с коллективными формами производства. Она нашла отражение в таком археологическом комплексе как "гнездо" поселений с их полями, пастбищами, лесами и определенными границами (Тимощук, 1995. С. 12). Таким образом, община, представлявшая собой союз нескольких родственных патриархальных семей, состояла из нескольких синхронных поселений, расположенных на близком расстоянии. Каждое из этих поселений было поселком одной или нескольких патриархальных семей.

Сопоставление "гнезд" именковских поселений со славянскими представляется вполне правомерным, т.к. именковская культура в основе своей несомненно принадлежала праславянскому населению.

Б.А. Тимощуком разработана социальная типология славянских поселений на единой методологической основе. Главными устойчивыми и общезначимыми критериями, позволяющими установить закономерности сходства и различия отдельных славянских селищ VI-X веков по их социальному содержанию, являются: 1) планировка поселений и характер их застройки (особенности группировки жилищ, хозяйственных и производственных построек, наличие площадок общего пользования, дворов, индивидуальных усадеб и т.д.); 2) размеры селищ (общая площадь, количество одновременных жилищ и других построек); 3) место селища в гнезде поселений, его отношение к общинному центру.

Согласно первым двум критериям Б.А. Тимощук разделил славянские селища на четыре группы:

1) малые селища площадью до 1 га, на которых насчитывалось от 6 до 15 синхронных жилищ, сконцентрированных вокруг площадки – двора коллективного пользования;

2) большие селища площадью до 10 га, на которых насчитывается несколько десятков синхронных жилищ, расположенных большими группами со своими площадками – дворами;

3) миниатюрные селища площадью до 0,5 га, состоящие из 2-5 синхронных жилищ, рядом с которыми находились хозяйственные постройки;

4) большие селища, на которых нет площадок коллективных дворов, но выделяются небольшие группы жилищ вместе с их хозяйственными постройками, а также индивидуальными усадьбами.

Последняя группа селищ несомненно относится к периоду возникновения феодальных отношений, в то время как три остальные группы связаны с финальной стадией разложения первобытно-общинного строя.

Эта социальная типология приемлема для классификации селищ именьковской культуры, правда, следует признать, что именьковские селища очень слабо изучены: ни одно из них не раскопано полностью. Более или менее большими площадями исследовались селища Подгорское (вскрыто 3704 кв. м), Ош-Пандо-Нерь (1594 кв. м) на Самарской Луке; Ново-Турбаслинское (544 кв. м) и Романовское (658 кв. м) в Башкирии. Раскопы на других именьковских селищах составляют от 50 до 300 кв. м.

Несмотря на столь слабую изученность, некоторые попытки классификации именьковских селищ возможны. Как и славянские селища, они делятся на малые, большие и миниатюрные. Их можно рассмотреть на примере Самарской Луки.

1) Малые селища, состоящие из 5-10 жилищ вокруг площадки-двора, имеющие площадь менее 1 гектара (Муромское II, Новинковское V, Выползовское II).

2). Большие селища, состоящие из нескольких групп жилищ, со своими площадками – коллективными дворами (Выползовское II, Новинковское I, Муромское I, Ош-Пандо-Нерь).

3) Миниатюрные селища площадью менее 1 гектара с бедным культурным слоем, именуемые обычно местонахождениями керамики.

4) Крупные селища – спутники городищ – общинных центров (Старомайновское, Карлинское).

Малые селища именьковской культуры, площадью менее 10 тыс. кв. м, на которых могло разместиться не более 15 жилищ, видимо, принадлежали членам большой патриархальной семьи. Поселения подобных семей упоминаются в “Повести временных лет” под названием “дым” (Абрамович, 1981. С. 61-63). Археологические данные о малых селищах совпадают с этнографическими данными о “дворищах”, принадлежавших большим патриархальным семьям. Такое средневековое дворище имело коллективную усадьбу и объединяло 5-11 дворов, где могло обитать 50-70 чел. (Ефименко, 1892. С. 161). Именно такое количество людей в соответствии с уровнем развития производительных сил второй половины I тыс. н.э. вполне обеспечивало ведение общего хозяйства.

Большая патриархальная семья в переходный период от первобытного к классовому обществу состояла из 3-4 поколений потомков одного отца и управлялась старейшиной – “домачином” (Косвен, 1963. С. 4). Члены ее осознавали свое родство, чтити общих предков, они ощущали свою связь с отделившимися родственными патриархальными семьями и вместе с ними составляли большесемейную общину, ведущую общее хозяйство. Таким образом, малые селища есть места обитания отдельных патриархальных семей.

Такие поселения состоят, как уже отмечалось, из 10-15 жилищ и расположенных между ними хозяйственных построек и ям, предназначенных для хранения зерна и других продуктов. Никаких следов оград, разделяющих отдельные усадьбы, ни на одном из исследованных селищ не выявлено.

Когда семья разрасталась, от нее отделялась одна из ветвей. Она основывала новое малое селище вблизи от первого и сохраняла экономические связи с патриархальной семьей, от которой она отделилась. Так, постепенно, одно за другим, возникали малые селища, составляющие “гнездо” поселений, на которых обитали члены большесемейной общины.

Однако, далеко не все отделяющиеся патриархальные семьи основывали новые поселения, часто патриархальная семья строила жилища на поселении, где обитала “материнская” большая патриархальная семья, от которой она отделилась. Обычно эти жилища составляют компактную группу и окружены принадлежащими им хозяйственными ямами и надземными постройками хозяйственного назначения. В этом случае образуются селища второго типа – большие по размерам, площадь которых составляет более 10 тыс. кв. м. Такие селища следует называть “селище – группа патриархальных семей”. К числу таких селищ именьковской культуры относятся Муромское I, Новинковское I, Ош-Пандо-Нерь, Выползовское. Слабая исследованность селищ значительно затрудняет выяснение характера их планировки и застройки, но ясно, что между группами жилых построек располагаются незастроенные площадки – хозяйственные дворы с ямами-хранилищами. Такая площадка исследована на Бахиловском селище.

Бахиловское селище расположено в 3,6 км к востоку от г. Жигулевска и в 1,5 км к западу от с. Бахилово Ставропольского района Самарской области. Площадь селища составляет 4,3 га. На нем заложены раскопы площадью 164 кв. м и исследованы 2 жилые постройки и 7 хозяйственных ям. Первая постройка представляла собой котлован размером 3,86 x 3,1 м, глубиной 0,2-0,23 м, вторая – глубиной 0,15-0,18 м, шириной 4,15 м, длина ее не определена, т.к. сооружение вскрыто частично.

На площади между жилищами обнаружены 3 хозяйственные ямы, к востоку от сооружения 14 были обнаружены еще 4 ямы.

Три ямы имели цилиндрическую форму, остальные – расширяющуюся к дну, колоколовидную форму; диаметры ям от 1,07 до 1,9 м, глубина от 0,95 до 1,3 м. На стенках ям прослеживались следы деревянной облицовки. Видимо, все ямы были предназначены для хранения зерна. Никаких следов заборов, ограждавших усадьбы, не обнаружено. Скорее всего, про-

странство вокруг жилых построек было двором, где располагалось коллективное зернохранилище.

Судя по слабой насыщенности культурного слоя, Бахилловское селище существовало в течение непродолжительного периода и, видимо, относится к числу наиболее ранних поселений именьковской культуры.

Во время раскопок большого по площади селища Ош-Пандо-Нерь, в северо-восточной части было выявлено три жилищных котлована, два из которых относятся к VI в., а третье более позднее, прекратившее существование во время последнего пожара, возможно, в первой пол. VIII в. К югу от жилищ находилась незастроенная площадка, занятая хозяйственными ямами - коллективный двор.

Некоторые крупные селища расположены рядом с городищами. Например, на Самарской Луке Подгорское селище примыкает к подножью городища Белая Гора, селище Ош-Пандо-Нерь находится рядом с одноименным городищем. В Ульяновской области Старо-Майнское селище расположено рядом с городищем.

Часто такие селища - спутники городищ вместе с последними представляли общинные центры. Они, как правило, имеют мощный культурный слой, т.к. функционировали долго.

Городища, как и селища, различаются по своим размерам, назначению, характеру застройки их укрепленных площадок. Нередко городища именьковской культуры возникали на месте укрепленных поселений раннего железного века. Это относится, прежде всего, к городищам Самарской Луки (Белая Гора, Каменная Коза, Лысая гора).

Выделяются два основных типа городищ именьковской культуры:

- 1) городища-убежища;
- 2) городища - общинные центры.

Городища-убежища часто имеют сравнительно небольшую площадку, культурный слой их беден или вообще отсутствует. Они нередко хорошо укреплены валом и рвом. Зачастую эти городища не были постоянно обитаемыми, но за их стенами могли укрыться жители окрестных селищ во время нападения врагов. Многие городища-убежища одновременно служили наблюдательными пунктами, так как с них открывался широкий вид на окрестности. Особенно это относится к городищам-убежищам, расположенным на Самарской Луке. Белая Гора, Ош-Пандо-Нерь, Каменная Коза, Лысая Гора могли служить такими наблюдательными пунктами: с них на много километров была видна р. Волга.

Часть городищ-убежищ не имеют культурного слоя (Белая Гора), но на некоторых из них в небольшом количестве представлены

фрагменты именьковских сосудов и отдельные предметы быта (Каменная Коза).

К числу городищ-убежищ можно отнести Именьковское городище, из 2700 кв. м его площади вскрыто 1552 кв. м. При этом неисследованной осталась только оконечность мыса, на котором городище расположено. На всей вскрытой площади выявлено только два жилища. Оба они представляли собой типичные именьковские полуземлянки размером 8x6 и 9x7 кв. м, т.е. площадью соответственно 48 и 63 кв. м.

Кроме жилищ на площадке городища выявлено 80 хозяйственных ям. На дне и в заполнениях их обнаружено фрагменты грубых плоскостонных сосудов, несколько целых сосудов, кости животных и различные бытовые предметы: костяные шилья, наконечники стрел, железные ножи, а в одной из ям целый жернов. Ямы были предназначены для хранения коллективных запасов продовольствия, необходимых в случае осады городища.

Кроме ям, на территории Именьковского городища обнаружены 33 небольших кострища в виде сильно обожженных глиняных площадок с массой углей и золы вокруг них. Все они залегают в верхнем (именьковском) слое городища и имеют округлую или овальную форму. Диаметр их от 20 до 150 см, толщина прокала 10-15 см. В основном они расположены по двум линиям: в одной линии, идущей по западному краю городища 11 площадок, в другой, идущей по продольной оси городища, ближе к восточному краю 22 площадки (Калинин, Халиков, 1960. С. 230-236). Возможно, эти кострища разводились внутри легких временных построек типа шалашей, возводимых во время вражеских нападений, когда обитатели окрестных селищ скрывались на городище. В постоянно обитаемых жилищах, видимо, жили люди, осуществлявшие военно-сторожевую охрану городища.

Кроме городищ-убежищ имеются постоянно обитаемые городища - административно-хозяйственные центры. К числу их относится городище Ош-Пандо в Мордовии, Старо-Майнское городище в Ульяновской области, городище Уфа II в Башкортостане и др. Эти городища ограждались со всех сторон деревянными стенами, а с напольной стороны валами и рвами. Наиболее ярким примером такого административно-хозяйственного центра является Старо-Майнское городище. К сожалению, на нем вскрыта сравнительно небольшая площадь, около 3000 кв. м, но это центральная часть площадки городища. На исследованной площади выявлено 15 жилищ и более 200 ям различного назначения, относящихся к именьковской культуре. Жилища располагались более или менее правильными рядами, идущими параллельно берегу р. Майны и валам. Расстояние

между жилищами от 2 до 14 м. Никаких следов оград, окружающих усадьбы, не обнаружено. Все пространство между жилищами было занято ямами, большинство из которых было предназначено для хранения зерна, мясных, молочных продуктов, желудей, орехов. Создается впечатление, что ямы были предназначены для хранения общественных запасов и были коллективными зернохранилищами и погребами. Следует заметить, что часть ям находилась внутри жилищ, т.к. часть полученного урожая, видимо, распределялась между брачными семьями.

Выделяются два типа жилых построек: полуземлянки квадратной формы со срубными наземными конструкциями и четырехскатными крышами и прямоугольные дома каркасно-столбовой конструкции с двухскатными крышами. К первому типу относились три постройки, но полностью из них сохранились только две. Они имели котлованы размером 7,2х7,2 м и 8х8 м. Их наземные конструкции представляли собой срубы, крыша была четырехскатной.

Ко второму типу относятся наземные дома со слабо углубленным в материк основанием каркасно-столбовой конструкции. Длина домов колеблется от 9,4 до 22,9 м, ширина от 4,4 до 7 м.

Оба типа жилищ отапливались открытыми очагами-кострищами, разводившимися в неглубоких ямах или непосредственно на полу жилищ. Лишь в одной полуземлянке кроме открытого очага находилась печь-каменка. Внутри жилищ имеются хозяйственные ямы, иногда частично выходящие за пределы жилищ.

Если полуземлянки типичны для всех поселений именьковской культуры, то каркасно-столбовые постройки выявлены только на Старомайском городище. Жилища обоих типов синхронны. Между жилищами располагались многочисленные хозяйственные ямы. Конечно, не все они одновременны – подобные ямы даже при наличии деревянной или плетеной облицовки могли существовать не более 10 лет, поэтому их часто меняли, засыпая одни и выкапывая другие. Никаких следов оград, ограничивавших усадьбы, не обнаружено. В жилищах встречались обычные для памятников именьковской культуры сосуды, их фрагменты и бытовые предметы: пряслица, шилья, ножи, костяные проколки и т.д. Лишь в жилище 7 найден серебряный перстень с шумящими подвесками, в жилище 22 два бронзовых перстня, в сооружении 183 – железные шарнирные ножницы – т.е. находки, редкие для именьковских поселений.

Пока неизвестно, чем объяснить наличие на Старомайском городище каркасно-столбовых построек, необычных для именьковской культуры: принадлежностью их племенной верхушке, проживавшей на городище, или наличи-

ем иноэтничных элементов, обитавших в среде именьковского населения.

Большинство наземных прямоугольных домов, судя по размерам (45-50 кв. м), видимо, принадлежало входившим в состав большесемейных общин малым семьям, состоящим из супругов и их потомства. Если учесть, что часть площади жилищ занимали очаги, хозяйственные ямы, то их жилая полезная площадь составляла не более 25-30 кв. м. На такой площади могло проживать до 8-10 человек.

Среди жилых построек выделяются своими размерами две, которые, видимо, были не жилищами, а домами общественного назначения. Это, прежде всего, сооружение 18, представлявшее собой котлован прямоугольной формы размером 22,9 х 4,4-4,6 м, глубиной 0,2-0,5 м. По периметру котлована находились столбовые ямы прямоугольной, квадратной или круглой формы диаметром от 0,2 до 0,5 м, глубиной от 0,2 до 0,4 м. Вертикальные столбы, видимо, имели боковые пазы, в которых вставлялись затесанные концы горизонтально лежавших плах, составлявших стены.

Постройка была разделена двумя перегородками на три неравные части. Каждое помещение имело отдельный выход. В восточном помещении находился очаг, к которому примыкала яма круглой формы диаметром 1 м, заполненная золой. Поблизости находилась еще одна яма прямоугольной формы. В обеих ямах встречались фрагменты сосудов именьковской культуры и фрагмент частично обработанного рога лося.

Среднее помещение было несколько больших размеров, чем восточное; в нем было два очага и найдено более десятка глиняных пряслиц. Самое большое – западное помещение, где находился открытый очаг-кострище размером 2,25х0,4 м. Вокруг очага располагалось 8 ям небольшого размера, к северу от очага находились две ямы, в них обнаружены развалы сосудов и большой целый сосуд с цилиндрической горловиной, вмещающий около 12 литров. Там же находился жернов и развалы более десятка дисков-лепешечниц диаметром 30-32 см каждая. С запада к сооружению 18 примыкала пристройка размером 3,9 х 2 м, таким образом общая длина сооружения с пристройкой составляла 26,8 м.

Создается впечатление, что сооружение 18 было местом, где собирались обитатели городища, при этом восточное помещение было местом, где собирались мужчины, среднее местом собрания женщин, где они пряли, ткали ткани для общественных нужд, разговаривали, пели. Западное помещение служило для совместных трапез и пиров, об этом свидетельствуют находки большого количества дисков-сковород и огромного сосуда для напитков.

Возможно, общественное назначение имело и сооружение 183, представлявшее собой прямоугольный котлован размером 12,6 x 5,5 м. По периметру котлована располагалось 30 округлых в плане столбовых ям диаметром 30-40 см, глубиной 30-65 см. Вдоль длинных стенок котлована обнаружены параллельные стенам постройки вторые ряды столбовых ям. Возможно, эти столбы служили основанием скамей, на которых сидели собиравшиеся в доме обитатели городища.

Таким образом, на городище, наряду с жилищами, было по крайней мере два общественных здания. Кроме них, во время исследования восточного края площадки городища выявлены следы идущей вдоль него легкой постройки из коры.

Огромный интерес представляет исследованное П.Д. Степановым на городище Ош-Пандо в Мордовии в бассейне р. Суры сооружение № 5. Основу его составляла деревянная крепостная стена, остатки которой прослежены на протяжении 15 м вдоль западного склона площадки городища. Край площадки городища позднее был подсыпан зеленоватой глиной и отодвинут от линии стены на 4 м к западу. Стена состояла из остатков врытых через определенные промежутки вертикальных столбов-стояков, в боковые пазы которых вставлялись заостренные концы горизонтальных обгорелых плах. На площади квадратов, прилегающих к стене, не обнаружено никаких остатков других стен или перекрытий. Тем не менее, вдоль стены с внутренней стороны находились следы больших кострищ, скопления камней, напоминающие очаги, скопления фрагментов сосудов, лежавших толстым слоем полосой 2 м шириной и до 7-8 м длиной. Среди фрагментов сосудов в одном месте собраны обугленные зерна и, в двух местах, большое количество кусков железной руды.

Упомянутые скопления фрагментов керамики в виде сплошных наслоений были обнаружены не только вдоль сохранившейся крепостной стены, но и далее, вдоль западного края площадки городища, где остатки стены отчетливо не прослеживались. Поэтому общая протяженность сооружения с севера на юг составляла не менее 30 м. Видимо, с внутренней стороны к крепостной стене примыкали какие-то легкие постройки из коры деревьев со стенами и был навес, перекрывавший сооружение.

По мнению П.Д. Степанова (Степанов, 1967. С. 96-97), в сооружении №5 присутствуют черты:

- жилого помещения (кострища, очаги);
- кладовой (скопления обломков горшков, железная руда, сосуды с зерном);
- оборонительного сооружения (крепостная стена).

Ближайшие аналогии описанному сооружению имеются на многих славянских городищах. Остатки деревянных оборонительных стен обычно плохо сохраняются, можно обнаружить лишь ямы от столбов-стояков или неглубокую продольную канавку - остаток нижнего бревна стены. Существенным элементом укрепленных линий были земляные откосы, прикрывающие стену с внешней стороны. С деревянными оборонительными стенами были конструктивно связаны примыкавшие к ним наземные, со стенами легкой конструкции (из плетня или коры) длинные дома. Их остатки плохо сохраняются. Не всегда при раскопках могут быть определены их размеры и функциональное назначение. Возможно, этим объясняется то, что эти сооружения одними исследователями рассматривались как жилища (Третьяков, 1963. С.60-67; Аулих, 1972. С. 27), другими как хранилища (Сымонович, 1975. С. 20), третьими как места собраний и трапез (Рыбаков, 1951. С. 35; Федоров, 1953. С. 143).

Наиболее распространенными элементами этих построек являются очаги и скопления фрагментов специально разбитых сосудов, иногда в них встречаются кости как животных, так и человека, что позволяет рассматривать эти постройки как культовые (Тимошук, 1995. С. 18). С языческими культами связываются погребения, обнаруженные в некоторых длинных домах, исследованных Б.А. Тимошук в Добровищах, Ревне и Белой (Тимошук, 1990. С. 34-37). Внутри длинных домов, исследованных Б.А. Рыбаковым на Вщижском городище, с обеих сторон сохранились материковые останцы-скамьи, а в трех местах находились кострища, кости животных и скопления разбитой глиняной посуды (Рыбаков, 1951. С. 35). По-видимому, общественные пиры в длинных домах сопровождались битьем посуды. Обнаруженные на территории некоторых длинных домов хозяйственные ямы считаются коллективными хранилищами.

Б.А. Тимошук отмечает, что археологические данные во многом совпадают со сведениями немецких хронистов XII в. о длинных домах - контингах западных славян в г. Щетине, в которых устраивались пиршества (собирались, чтобы пить), исполнялись религиозные обряды (люди здесь гадали), происходили совещания и сходки граждан, хранились общественные запасы (всякая драгоценная утварь, приносимая определенной законом десятина) (Хрестоматия ..., 1949. С. 45, 46).

Хотя сведения хрониста относились к XII в., он отмечал, что в этих домах сохранились обычаи, установленные предками, поэтому есть основания полагать, что эти обычаи сложились значительно раньше, чем сведения о них попали на страницы хроник (Тимошук, 1995. С. 35).

Письменные и археологические данные дополняются этнографическими материалами. Большие дома известны у различных народов часто как мужские дома, где обсуждались общественные вопросы, совершались религиозные церемонии, справлялись большие праздники, хранились предметы культа, музыкальные инструменты, а иногда и останки предков (Кисляков, 1936. С. 115-130; Бутинов, 1980. С. 117).

Характерной особенностью хозяйственно-административных центров является наличие следов различных производств, в первую очередь черной металлургии и металлообработки. На городищах и селищах встречаются железные шлаки, крицы, а иногда и металлургические горны. Нередко они располагаются за пределами поселений в непосредственной близости от них. Например, Ю.А. Семькиным был исследован металлургический горн, находившийся недалеко от Кармалинского селища. Еще один горн был обнаружен в 250 м от селища Ош-Пандо-Нерь.

Таким образом, археологические данные позволяют предположить, что в период существования именьковской культуры основной производственной ячейкой была большесемейная община, возможно, соответствующая патронимии, состоящей из нескольких патриархальных семей, происходящих от общего предка. Существование общины было обусловлено сравнительно низким уровнем развития производительных сил и необходимостью обобществления производства и собственности. Видимо, сохранялась коллективная собственность не только на леса, луга-пастбища, но и на пахотные земли. Полученный урожай также был коллективной собственностью большесемейной общины и хранился в общественных хранилищах-ямах, находившихся на площадках-дворах.

Часть урожая распределялась между брачными семьями, проживающими в отдельных жилищах, и хранилась в ямах, имеющих в каждом жилище или рядом с ними. Там же, в жилищах, производились помол зерна и приготовление пищи.

По всей вероятности, коллективной собственностью являлся и скот, так как помещения для содержания скота рядом с жилищем на именьковских поселениях не выявлены.

Большесемейная община могла обитать на нескольких, составляющих "гнездо", поселениях.

В каждом таком "гнезде" имелся общинный центр, как правило, самое крупное и существовавшее в течение наиболее продолжительного времени поселение. Нередко рядом с селищем – общинным центром располагалось городище-убежище или постоянно обитаемое городище.

Вместе с тем, проникновение в среду именьковского населения иноэтничных элементов, прослеживаемое благодаря появлению погребений по обряду ингумации, длинных домов, связываемых большинством исследователей с германскими племенами, заставляет допустить мысль о зарождении элементов соседской общины. В таких общинах родственники и соседи могли образовать единый коллектив, члены которого были связаны обычаями взаимопомощи и круговой поруки. Наличие таких общин подтверждается анализом "варварских прав" германских племен и другими письменными источниками.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда.

Проект № 06-01-26105 а/В.

Список литературы:

Абрамович Г.В., 1981. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадийности его перехода в развитый феодализм // Вопросы истории. № 2.

Аулих В.В., 1972. Зимнівське городище - слов'янська пам'ятка VI-VII ст. в західній Волині. Київ.

Бутинов Н.А., 1980. Общинно-родовой строй общинных земледельцев. Ранние земледельцы. Л.

Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л.

Довженко В.И., 1969. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточнославянских племен // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Ефименко А.Я., 1892. Дворищное землевладение в Южной Руси // Русская мысль. Кн. 4. М.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1960. Именьковское городище // МИА. № 80. М.

Кисляков Н.А., 1936. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиоболо. М.

Косвен М.О., 1963. Семейная община и патронимия. М.

Краснов Ю.А., 1978. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы) // СА. № 4.

Краснов Ю.А., 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.

Кропоткин А.В., 1988. К вопросу о характере общины у племен черняховской культуры // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М.

Ляпушкин И.И., 1968. Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII - первая половина IX вв.). Историко-археологические очерки // МИА. № 152. М.

- Мавродин В.В., Фроянов И.Я., 1978. Об общественном строе восточных славян VIII-IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.
- Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В., 1996. Реконструкция истории природопользования на Самарской луке в эпоху средневековья // Культуры Евразийских степей второй второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М.
- Русанова И.П., 1988. Об общественной структуре пшеворских поселений // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М.
- Рыбаков Б.А., 1951. Раскопки во Вщиже в 1946-1949 гг. // КСИИМК. Вып. 38. М.
- Рыбаков Б.А., 1969. Союзы племен и проблемы генезиса феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М.
- Седов В.В., 2001. К этногенезу волжских болгар // СА. № 2.
- Старостин П.Н., 1967. Именьковская культура // САИ. Вып. Д1-32. М.
- Старостин П.Н., Хомутова Л.С., 1981. Железообработка племен именьковской культуры // СА. № 3.
- Степанов П.Д., 1967. Ош-Пандо. Саранск.
- Сымонович Э.А., 1975. Раннеславянская культура лесной полосы Поднепровья (типа Колочин-Акатово) и ее место в славянском этногенезе // *Slavia Antiqua*. Т. 22.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Голмачева М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Тимощук Б.А., 1990. Восточнославянская община VI-X вв. н.э. М.
- Тимощук Б.А., 1995. Восточные славяне. От общины - к городам. М.
- Третьяков П.Н., 1963. Древние городища Смоленщины // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л.
- Федоров Г.Б., 1953. Городище Екимавицы // КСИИМК. Вып. 50. М.
- Фроянов И.Я., 2001. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории // Начала русской истории. М.
- Хрестоматия по истории средних веков. Пособие для преподавателей средней школы. Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. Том I. М., 1949.
- Ширинский С.С., 1970. Объективные закономерности и субъективные факторы в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.